

## Раздел 2

# ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ПРОБЛЕМАТИКА И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ

### 2.1. Проблема изображения жестокости в подростковых антиутопиях (на примере произведений «Дающий» Л. Лоури и «Голодные игры» С. Коллинз)

В современном литературном процессе и культуре прослеживается явный и стремительный рост популярности антиутопий в связи с актуальностью тем, характерных для жанра. В докладе исследуется проблема жестокости в подростковой антиутопии, одном из самых популярных жанров массовой литературы. Материалом исследования выступают романы «Дающий» Л. Лоури и «Голодные игры» С. Коллинз, в которых проблема жестокости является ключевой.

Р. Тотаро в своей книге “Suffering in Utopia” говорит о том, что подростковый период характеризуется поиском ролевых моделей поведения в культуре и литературе в том числе. Она подчеркивает, что опыт героя может стать опытом читателя, так как события, описываемые в книге, вызывают эмпатию к героям, с которыми читатель себя ассоциирует: “Writers of young adult novels educate their readers through the pains of social and physical metamorphosis while entertaining them in order to offer useful suffering that with hope and action emerges into a less painful adulthood” [Totaro, p. 136]. То есть, основная цель подростковой литературы — установка правильных моральных и нравственных ориентиров с созданием ролевой модели. Это определяет ряд признаков, характерных для произведений данного жанра (здесь важно сказать о проблеме терминологии — она не яв-

ляется унифицированной: существуют термины «подростковая» и «молодежная литература», кроме того, сейчас активно используется такой термин, как *young adult*, объединяющий оба понятия).

К основным признакам подростковой антиутопии относятся, во-первых, ориентация на читателя-подростка, определяющая сюжетное и языковое своеобразие текста, а во-вторых, особый тип героя, избранника и бунтаря, сталкивающегося с насилием и восстающего против мира взрослых.

Помимо вышеперечисленных признаков, И. В. Игнатова выделяет такие черты, как противопоставление героя миру взрослых, постепенный отказ от некоторых детских или юношеских установок, способность главного героя к самопожертвованию и надежда на благоприятное будущее. Специфические признаки подростковой антиутопии часто связаны с «самоопределением личности главного героя по мере взросления, а также с интересом молодежной аудитории к новшествам в сфере научно-технического прогресса» [Игнатова, с. 448].

Таким образом, в подростковых антиутопиях представлена модель мира, в котором общечеловеческие ценности распадаются, а в качестве основных проблем выступают несправедливая социальная иерархия, угнетение и террор, проблемы самоопределения личности. Демонстрация страдания, физической и эмоциональной боли как неизбежного условия жизни и ее неотъемлемой характеристики свидетельствуют о том, что ключевой целью подростковой литературы (и антиутопии) является моральная и психологическая поддержка молодых людей, переживающих сложный период взросления.

Обращаясь к текстам романов «Голодные игры» и «Дающий», важно сказать, что эти книги часто критиковались и подвергались цензурным запретам в учебных заведениях ассоциацией американских библиотек (ALA), так как содержат сцены насилия, жестокости. Для литературы, ориентированной на подростков, важно, чтобы негативные образы и травмирующие сцены трансформировались в положительный опыт.

Джон Дэниэл Сталь в предисловии к книге “*Crosscurrents of Children’s Literature*” говорит о том, что дети и подростки в книгах

часто видят некого проводника и инструкцию к взрослой жизни. Именно поэтому книга, ориентированная на подростков, должна подстраиваться под особенности восприятия мира целевой аудитории: "In short, children almost certainly often find in children's books guidance about what they, as children, are expected to be and become. Thus, viewed from one perspective, children reading books are engaged in the always continuing process of responding to (or reacting against) the process of socialization. Whenever children choose the books they enjoy and want to read, they are expressing a preference about the kinds of ideas and values they want to incorporate in their imaginative lives" [Stahl, p. 4].

Многие произведения подростковой антиутопии, для которых характерно использование клише и формульность, относятся к пласту массовой литературы. Большой вклад в понимание особенностей и своеобразия формульной и конвенциональной литературы внес Д. Кавелти. «Формулами» он назвал культурные стереотипы, традиционные способы описания, общую сюжетную схему, свойственные произведениям массовой литературы, которые делают жанр легко узнаваемым, что и определяет успех этих произведений, поскольку только благодаря стандартизации литературы читатель может быть заранее уверен в ожидаемом эффекте от прочтения текстов.

Для этих произведений характерна установка на непритязательного читателя, что ведет к упрощению текста на различных уровнях: примитивизация героев, четкое деление на положительных персонажей и отрицательных, выбор между добром и злом очевиден для героя и читателя. Одной из целей массовой подростковой литературы является разрешение нравственных проблем и создание ощущения простоты бытия, в котором нет неразрешимых вопросов.

Роман «Дающий» не является примером формульного жанра подростковой антиутопии. Написанный в 1993 году, еще до становления жанра подростковой антиутопии и образования формулы, данный текст фактически определил траекторию развития выше-названного жанра. В романе описано идеальное общество, в котором у людей нет эмоций и воспоминаний, а как следствие и самой боли, эмоциональной и физической. Главный герой назначается «принимающим воспоминания коммуны», начиная от семейных

праздников и заканчивая смертью во время военных действий. Таким образом, весь негативный опыт перекладывается на одного человека, в результате чего концентрация боли, которая ранжируется от солнечного ожога до смерти на войне, очень высока.

В качестве примера можно привести цитату из романа, в которой представлено самое страшное воспоминание главного героя — война: «У Джонаса от боли не двигалась одна рука, и сквозь дырку в своем рукаве он увидел что-то похожее на обломки кости. <...> Вдали грохотали пушки. Джонас лежал, переполненный болью. Много часов он пролежал так, ощущая оглушительную вонь, слыша крики людей и лошадей, узнавая, что такое война» [Лоури, с. 133].

Отсутствие воспоминаний, эмоций и чувств, невосприимчивость к боли делают общество полуживым и неспособным к состраданию. Бесчеловечные поступки воспринимаются как средство оптимизации жизни общества: например, плановое убийство несовершеннолетних детей (если они не соответствуют определенным параметрам, таким как рост или вес) с помощью инъекции. Эмоциональная боль главного героя и несогласие с устройством мира, в котором он живет, в произведении передается через бунт Джонаса. Герой переживает сильнейшее эмоциональное потрясение, понимая, что для его отца эта процедура — лишь одна из обязанностей: «Джонас очень удивился, когда увидел, что его Отец приставил шприц к головке ребенка и проткнул ее там, где пульсирует тонкая кожа. Младенец скривился и тоненько запищал. <...> Он увидел, что ребенок перестал плакать. Потом дернул ножками. Потом обмяк. Уронил головку, прикрыл глаза. И затих. <...> “Он убил его! Мой Отец убил его!” — сказал себе Джонас, не в силах в это поверить» [Лоури, с. 164–166].

В этом произведении важной и одной из ключевых в понимании мотива поступков главного героя является история Розмари, демонстрирующая борьбу подростка с болью, которую сложно пережить. Розмари должна была стать принимающим воспоминания, но не смогла справиться с эмоциональной болью и душевной травмой, выбрав самоубийство: «И я не передавал ей физическую боль. Но я дал ей одиночество. И я дал ей утрату. И я передал ей воспоминание ребенка, которого забрали у родителей. Оно было

самым первым. Она вышла из него опустошенной» [Лоури, с. 156]. В сюжетной линии Розмари поднимается проблема подросткового суицида как протеста против несправедливости мира. Данная тема, безусловно, актуальна в целом для подростковой литературы, и очень важно избегать ее романтизации. Именно поэтому главный герой выбирает путь активной борьбы в виде побега. Таким образом, в произведении способность человека испытывать боль является важной чертой, которая необходима для полноценной жизни и здорового общества. Подросткам важно осознавать, что страдание являются частью нашего существования. Общество, лишенное памяти, также лишается понимания таких концептов, как голод, война, боль, и одновременно с этим не имеет представления о любви и счастье. Безэмоциональная жизнь метафорично показана в романе через отсутствие способности у людей различать цвета.

Здесь допустимо провести частичную параллель с романом «Заводной апельсин», в котором государство также пытается контролировать волю человека. Но, если в романе Берджесса герой страдает от этой пассивности и ощущает давление результатов эксперимента, превратившего его в доброе безвольное животное, то в романе «Дающий» люди принимают жизнь без чувств и воспоминаний за эталон. Таким образом, сюжет базируется на своеобразном перевертыше — художественный мир произведения воспринимается героями и читателями как ложный рай.

Возвращаясь к вопросу необходимости демонстрации идеи жестокости в подростковой литературе, обратимся к исследованию Д. Будинота “The Violence in Fear and Folk Tales”, в котором изображение жестокости в произведениях позиционируется как один из способов демонстрации идеи безопасности: “method of helping children learn about safety” [Boudinot]. Именно это и представлено в романе «Голодные игры»: через описание сцен сражений и убийств показаны такие черты характера, как смелость, порядочность, отвага. Первый роман трилогии написан в 2008 году, сюжетно во многом повторяет роман «Королевская битва» К. Токами (1999). Роман С. Коллинз следует определенным канонам подростковой антиутопии, что позволяет рассматривать данный текст как пример формульного жанра.

Голодные игры, которые служат напоминанием о жестоко подавленном восстании, — это борьба за выживание среди 24 человек от 12 до 18 лет. Вся жестокость и бессмысленность игр осознается героями с самого начала повествования, а государство является главным врагом: «Забирая детей и вынуждая их убивать друг друга у всех на глазах, Капитолий показывает, насколько велика его власть над нами, как мало у нас шансов выжить, вздумай мы взбунтоваться снова. Какие бы слова ни звучали из Капитолия, слышится в них одно: “Мы забираем у вас ваших детей, мы приносим их в жертву, и вы ничего не можете поделать с этим. Пошевелите только пальцем, и мы уничтожим вас всех. Как в Дистрикте-13”» [Коллинз, с. 23]. В этой цитате проявляется одна из сквозных идей большинства антиутопий — безнаказанность государства и ужас тоталитарной власти, что свидетельствует о продолжении жанровой традиции.

В романе сцены насилия, драк, убийств представлены через призму восприятия героини и отношение государства, для которого смерти подростков являются элементом шоу, именно поэтому они должны быть яркими и эстетичными: «В один из сезонов мы видели, как игроки ночами замерзали насмерть. Их почти нельзя было разглядеть, так они съезжались, и ни одного деревца кругом, чтобы развести костер или хотя бы зажечь факел. В Капитолии посчитали, что такая смерть, без битв и без крови, не слишком захватывающее зрелище, и с тех пор деревья обычно бывали» [Там же, с. 39].

В данном произведении одной из центральных является тема противоборства с властью и тоталитаризмом, что типично для жанра антиутопии. Осознание того, что основная причина жестокости — государственная система, провоцирует чувство сострадания героини по отношению к ее противникам в Голодных играх: «Ненависть к парню из Дистрикта-1 теперь кажется глупой. Мертвый, он выглядит таким же трогательным и уязвимым, как Рута. Не он, а Капитолий виноват во всем» [Там же, с. 186].

Повествование в настоящем времени и от первого лица позволяет читателю полностью ассоциировать себя с главной героиней. Такая форма повествования формирует четкое понимание читателем ситуации, в которой находится героиня, осознать ее чувства и эмоции (голод, усталость). Важную роль в романе играет

графическое описание боли и ее восприятие, это может быть даже боль другого персонажа, показанная через призму переживаний героини. Смерть Руты, подруги и союзницы главной героини, описана детально с фокусом на чувства Китнисс, которая почти физически ощущает и переживает это событие: «Острие копья целиком вошло в живот. Я сижу на корточках перед Рутой, бесильно глядя на смертельное оружие. <...> Она протягивает мне ладонь, и я хватаюсь за нее, как утопающий за соломинку. Словно умираю я, а не Рута» [Коллинз, с. 184].

В «Голодных играх» и «Дающем» сцены смерти и жестокие события не являются бессмысленными для читателя. В первом случае страдания героя оправдываются спасением общества от боли, а затем попыткой побега, а во втором — тем, что в ситуации голодных игр герои убивают, чтобы выжить. Герои остро переживают сам факт смерти и убийства других, несмотря на осознание неизбежности: «Не знаю, как ему объяснить, что значит — убить человека. И что убитые навсегда остаются с тобой». [Там же, с. 647]

Р. Тотаро говорит о том, что в подростковой литературе авторы не только развлекают, но и учат читателей через изображение физической и эмоциональной травмы. Таким образом, подросток вступает во взрослую жизнь более подготовленным, испытывая «полезное страдание» в процессе чтения: “Writers of young adult novels educat[e] their readers through the pains of social and physical metamorphosis while entertaining them in order to offer useful suffering that with hope and action emerges into a less painful adulthood” [Totaro, p. 136].

Важным отличием подростковых антиутопий является то, что главный герой «Дающего» и героиня «Голодных игр» стремятся избежать насилия, они сами становятся его жертвой. В «Голодных играх» читателю понятно, почему протагонист борется с жестокостью государства и как ему противостоять. В «Дающем» видна эмоциональная инвалидность изображаемого общества, которое, несмотря на всю продуманность и упорядоченность, воспринимается читателем как бесчеловечное и эгоистичное.

Л. Поладриан в качестве основной функции текста подростковой литературы выделяет постановку ряда проблем современного мира перед подростками и надежду на их разрешение. Подростки

получают представление о социальных и политических проблемах через художественный текст, они исследуют эти проблемы через чувства и травмы протагониста (в том числе через изображение жестокости мира). Через воздействие сцен насилия читатель способен не только осознать проблемы современного мира, но и развить эмоциональный интеллект: "This would be a key difference in dystopian fiction for young adults, where the emotional catharsis of tragedy is still the product left for the reader based on the incredibly emotive (even if seemingly negative) experience of trauma through violence in literature. While young adult readers are made aware of and learn about the political and social worlds through the texts, they experience these worlds through the feelings of a traumatized protagonist, and this is what they come to know best in reading. In doing so, young readers have positive experiences that help them grow emotionally through exposure to violence. This sets violence in literature apart from the other popular forms of media violence" [Polladian, p. 85–86].

Безусловно, проблема насилия и человеческой жестокости часто встречается в антиутопическом дискурсе. Но, если в подростковых антиутопиях для этой темы характерна все-таки некоторая примитивизация, то в классических текстах эта проблема выходит на экзистенциальный и философский уровень, как в романах «Заводной апельсин» и «Повелитель мух». Безусловно, данные произведения не представляют собой образцы типичной подростковой антиутопии, но, тем не менее, обладают рядом признаков жанра. По сравнению с подростковыми антиутопиями последних десятилетий, где герои противостоят жестокости внешнего мира, в данных текстах авторами исследуется природа жестокости, а ее изображение не носит терапевтический характер.

Так, «Повелитель мух» — произведение о детях, инстинкты которых выходят из-под контроля. Слова Саймона «Зверь — это мы сами» можно считать лейтмотивом произведения; они олицетворяют низменные инстинкты человека и его неспособность бороться со злом внутри себя. «Повелитель мух» — роман не о сопротивлении злу и не о борьбе с ним, а о слабости человека перед ним. Проблема безнаказанности и неконтролируемости человеческой жестокости выводится на первый план.

Главный герой «Заводного апельсина» — юноша-садист с характером хладнокровного убийцы. Алекс — это крайнее проявление жестокости во всех её ипостасях. Обилие кровавых сцен в произведении (сцены драк, разбойных нападений банды Алекса, насилия) создают атмосферу страха и продолжают основную идею — неискоренимость зла в человеке, так как он сам и является его источником. В целом данное произведение — не о корнях подростковой жестокости, а о жестокости вообще, о допустимости или недопустимости борьбы с жестокостью насильственными методами.

Итак, тема жестокости широко представлена в современных подростковых антиутопиях. В докладе было рассмотрено только два текста, но, принимая во внимание формульные характеристики жанра, хотелось бы сказать, что выявленные тенденции повторяются и в других произведениях. Изображение сцен смерти, убийств и жестокого обращения показаны через призму восприятия героя и отражают его духовно-нравственные ценности, не соответствующие стандартам и привычкам общества. В подростковой литературе эти эпизоды несут воспитательную и отчасти терапевтическую функцию для читателей, которые нуждаются в ролевых моделях поведения. Главные действующие лица борются с жестокостью внешнего мира, одновременно с этим осознавая, что только способность испытывать весь спектр эмоций делает нас людьми: без жестокости нет и сострадания. Травматический опыт героя необходим читателю для осознания проблем взрослого мира и постепенного перехода в него. Именно поэтому цензура литературных произведений по причине включенности сцен убийств и жестокости не является целесообразной, так как это свидетельствует об отрицании проблемы, а не о возможности ее решения.

### **Источники**

Коллинз С. Голодные игры. И вспыхнет пламя. Сойка-пересмешница. М. : Издательство АСТ, 2016. 896 с.

Лоури. Л. Дающий. М. : Розовый жираф, 2020. 200 с.

## Исследования

Игнатова И. В. Отличительные черты молодежной антиутопии как жанра художественной литературы (на примере трилогии С. Коллинз «The Hunger Games») // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 6. С. 440–451.

Boudinot D. Violence and Fear in Folktales. The Looking Glass: New Perspectives on Children's Literature. URL: [https://dspace.library.uvic.ca/bitstream/handle/1828/11060/Boudinot\\_David\\_LookingGlass\\_2005.pdf?sequence=1](https://dspace.library.uvic.ca/bitstream/handle/1828/11060/Boudinot_David_LookingGlass_2005.pdf?sequence=1) (accessed 21.02.2023).

Poladian L. Narrating Trauma: the Value of Violence in Young Adult Dystopian Fiction // The Age of Dystopia. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 73–90.

Stahl J. D. Preface. Crosscurrents of Children's Literature: An Anthology of Texts and Criticism. New York : Oxford UP, 2007. P. XXXV–XLI.

Totaro R. Suffering in Utopia: Testing the Limits in Young Adult Novels. Utopian and Dystopian Writing for Children and Young Adults. New York : Routledge, 2003. P. 127–138.

## 2.2. Категория инаковости и поэтика двойственности в романе травмы

“I’m just going through a phase right now. Everybody goes through phases and all, don’t they?” говорит Холден Колфилд в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», не подозревая, что эта «фаза» в подростково-молодежной литературе задержится надолго, потому что каждому есть что сказать по поводу травмы, будь ты 18-летним свидетелем убийства чернокожего подростка или жертвой психологического насилия. Сегодня образ беззаботного подростка, чьи проблемы приходят и уходят, совершенно неактуален. Напротив, и в кабинете психолога, и в современном подростково-молодежном романе речь постоянно заходит о непростом или даже ужасающем личном опыте, оставшемся в сознании навсегда и сформировавшем фобии и неврозы, коммуникативные проблемы, как то: стереотипизация конкретных объектов, слабая или чересчур сильная рефлексия, слабая эмпатия, повышенная внушаемость и т. д.